

ОБРАТНЫЙ ОТКЛИК

ИЛЬЯ ПШЕНИЧНЫЙ

Илья Пшеничный
Обратный отклик

«Автор»

2026

Пшеничный И.

Обратный отклик / И. Пшеничный — «Автор», 2026

В мире, где всё — от стен домов до подошв ботинок — выращено из живой биоматерии, Генрих считается бракованным. Его диагноз, «синдром Го Пу», заставляет его чувствовать пульсацию стен и дыхание стёкол там, где другие видят лишь комфорт. Уволенный и забытый «мамонт» аналоговой эпохи, он внезапно обнаруживает пугающую правду: биомасса не просто имитирует жизнь...

Илья Пшеничный Обратный отклик

Я не мог уснуть, совсем не мог. Ворочался с одного бока на другой, белье неприятно кололо лицо и грудь. Перевернулся на спину, уткнулся взглядом в потолок. Его почти нельзя различить, стекло в окне сильно затемнено, внутри комнаты мрак. Но я чувствую его, чувствую потолок, чувствую стены, чувствую и стекло в окне. Не совсем стекло, но его массу, живущую рядом со мной.

Я не могу уснуть, снотворное еще не подействовало. С каждым разом оно требует все больше времени, мне остается только мучаться. Дом дышит, дом дрожит, я чувствую его бие-ние. Я не могу, как все нормальные люди, дышать и биться в унисон со своим домом. Я муча-юсь, я страдаю, но я не мог отказаться, не мог жить по другому, потому что жизнь без био-массы кажется мне ужасной. Но сегодня хуже, чем вчера. Я думаю о возможности все бросить и уехать в комму-ну.

Я не могу уснуть...

- - -

- В общем, меня эта ситуация порядком достала, - Андрей Алексеевич сидит за своим сто-лом, немного на возвышении, чтобы смотреть на меня и мне подобных свысока. С его ростом без трюков по-другому не получится. Его короткие, толстые пальцы барабают по столешнице, она мягко подрагивает, но он этого не замечает, но меня это раздражает. На самом деле, он давно превратился в настоящую сволочь.

- Ты со своей болячкой, как там ее...

- Синдром Го Пу, - напоминаю я.

Он смеется, дергается в кресле.

- Идиотское название.

- Это в честь какого-то китайца, - мой комментарий его не интересует.

- В общем... - он, наконец, находит удобное положение, даже перестает стучать по сто-лешнице, - удивительно, что ты с этой болячкой продержался у нас так долго. Современна настройка биомассы требует чувственного подхода, словно картина, словно музыка... А тебе такое не дано.

- Знаю, у нас это на постерах написано.

- Ну хоть язвить ты способен, - он улыбается, обнажая кривые зубы, - и то хорошо. Но все же, Генрих, твоими методами не пользуются уже сколько?

- Вы правы, Андрей Алексеевич. С моего рождения, если не раньше. А это уже лет сорок или около того.

Он любит, когда ему говорят, что он прав. Щеки начинают раздуваться, улыбка тянется еще шире. Но его привычка обращаться ко мне с очевидными вопросами, словно к ребенку, выводит из себя.

- Ох, все я вокруг да около. Ты парень неплохой, Генрих, но не от мира сего. Не впи-сываешься ты, что в коллектив, что в область нашей экспертизы. Поэтому давай так. Я тебе последнюю работенку подкину. Сделаешь ее хорошо, под нее оформим тебе бонус, и сверху еще очень красивое письмо напишем. Сопроводительное...

Снова его дурацкая улыбка, уже уши на затылок уезжают, а он все скалится.

- И чем же я потом займусь?

- Ну... - он взмахивает руками, складывает их на груди, откинувшись на спинку. Теперь его рожи стало почти не видно из-за стола. - Я похож на рекрутера? Чем я тебе помогу? Сам

думай, не пацан уже. Я же к тебе по-отечески, я к тебе по-доброму. Но если ты не хочешь, можем прямо сейчас расстаться, но уже без бонусов и писем...

Он многозначительно замолкает. Я опускаю глаза. Знаю эту игру, умею в нее играть, спорить тут смысла нет, лучше промолчать и проявить смирение. Все равно, все уже решено.

- Простите. Просто, тяжело это...

- Понимаю, понимаю... Ну, ты иди, возьми у начальника отдела данные. С тобой еще Семен поедет, просто на подхвате будет, на всякий случай. Там район недешевый, надо клиентов радовать. Вы у нас в приоритете!

Последние слова он говорит громко и четко, словно записывает рекламу. Сопровождает это полетом своего толстого пальца в сторону потолка.

Я поднимаюсь, подвигаю гостевой стул на место, молча киваю и выхожу из кабинета. Не обращаю внимания на секретаршу, сразу направляюсь за своей последней работой.

В коридоре - сплошные старомодные постеры, шефу такое нравится. Реклама наших услуг, вплетенная в историю человечества. Почти пятьдесят лет назад создали первые образцы биоматерии, еще десять лет потребовалось на то, чтобы соединить биотехнологии и инженерию. После этого все причастные получили нобелевки, непричастные - тоже. "Величайшее открытие человечества!" кричали плакаты. После завершения технической части, биоматерию стали использовать повсеместно. По сути, это лишь набор клеток, сродни стволовым клеткам человека. Путем специальных махинаций, они способны превратиться во что угодно, принять какие угодно свойства. Человечество нашло чистый источник материала и перестало вгрызаться в собственную планету ради ресурсов. "Мать земля одобряет" - подтверждает с плаката длинноволосый хипарь. Теперь все вокруг нас создано из биоматерии: дома, машины, компьютеры, одежда... Внешне, как говорили старики жившие в ресурсную эпоху, отличить невозможно. Так происходит для большинства людей, они не замечают разницы, для них дом и земля под ногами - одинаково материальны. Но есть неудачники вроде меня, мозг которых с рождения не способен принять биоматерию, отчего я всегда чувствую, как она дышит, как она растет. Внутри стен тонкие прожилки из материи с другими свойствами - нервы, придающие всему остальному смысл и функцию. Мы следим, чтобы эти нервы исправно передавали сигналы от центральных процессоров, чтобы мир не разваливался. Я делаю это по старинке - приборами, созданными отдельно от биоматерии, другие, мои коллеги, подключаются по современному: к центральным узлам своим собственным мозгом. Я мамонт, который скоро вымрет. Найдут лекарство от моего синдрома, начнут колоть его неправильным новорожденным, и они тоже волеются в стройные ряды, станут жить, не замечая, как мир вокруг них дрожит от собственного роста.

Без стука захожу в кабинет начальника отдела. Я слишком зол, чтобы соблюдать приличия. Он косится на меня, строит недовольную гримасу, но молчит. Передает мне планшет с данными. Он давно в курсе, скорее всего, в первых рядах требовал меня выкинуть. Он меня не любит, я его тоже.

Молча забираю планшет и иду на служебную стоянку, тороплюсь, хочу улизнуть, не забывая с собой навязанного напарника. Но Семен уже ждет меня у моего старенького фургона. Наверно, секретарша предупредила его, когда я вышел от шефа.

Семен мелкий, лопоухий, с дурацкой стрижкой под горшок, по последней моде, как у музыкантов древней эры. Мир идет вперед, но человек заиклен, повторяется из раза в раз, заново открывая для себя давно забытое.

- Изобретут ли после биоматерии ископаемые ресурсы? - спрашиваю я, открывая дверь фургона.

Семен смотрит на меня, мерзко хихикает:

- Тебя сегодня на философию потянуло?

- С завтрашнего дня, собираюсь стать профессором.

Он смеется, он в курсе. Мне лень, я демотивирован, я - отсутствие действия. Жестом предлагаю Семену сесть за руль, он соглашается, хоть и немного удивлен. Современные моторы не требуют ремонта, поглощают специальное топливо, сделанное из той же биоматерии, но на другом заводе и по другой программе. Для обычных людей их работа незаметна, но я чувствую, как они шипят, я чувствую, как они вздыхают, всасывая в себя топливо.

Мы поднимаемся по пандусу, выезжаем с парковки, солнце бьет прямо в лицо.

- Какой чудесный день, - мурлычет Семен.

День действительно чудесный, если говорить про погоду, но говорить я не хочу. Отворачиваюсь, смотрю на пробегающую мимо улицу. Дома, люди, одежда, все не сильно изменилось за последние годы, все похоже на старые фотографии и фильмы. Но это для обычных людей. А для таких, как я....

Останавливаемся на перекрестке. На обочине ждет своего сигнала женщина: массивные очки, длинные рукава, обычный зонтик, поднятый от солнца. Загар не в моде. Ее очки и зонтик мелко дрожат, не от ее рук, а от своей природы. Я это замечаю, она - нет. Загорается зеленый для пешеходов, женщина переходит перед нами, Семен преследует ее взглядом.

- Хороша...

Я тяжело вздыхаю в ответ. Даже не обратил внимания на то, какая эта женщина, отвлек ее зонтик.

- Ты сегодня смурной какой-то... - Семен давит газ, но смотрит на меня. Плохой из него водитель.

- Нечему радоваться.

- А... Да, я слышал краем уха.

- И что ты слышал?

- Ну... Это... - он мерзко посмеивается сквозь зубы, - говорят шеф решил тебя выдавить. Говорят, ты портишь имидж компании.

- И что думаешь?

- Я? Да, в целом, ничего. Ты - мужик неплохой...

Он замолкает, делает вид, что сосредоточен на новом повороте. Я молчу.

- Знаешь, - снова начинает Семен, - Я слышал есть специальные коммуны, ну этих, отрицателей биоматерии. Может тебе туда податься?

- Я там родился.

- Где?

- В такой коммуне, - я с трудом сдерживаю гнев, проглатывая желание наорать на него.

- Тогда, получается, можешь податься домой? Неплохо же, да?

Я вздыхаю и задерживаю воздух, не давая гневу вырваться наружу. Держу, пока не сводит шею.

- Той коммуны давно нет, - наконец отвечаю я. - Да и жизнь в них ужасная. Лучше я тут со снотворным буду мучаться, чем присоединюсь к ним.

- А, вон оно как, - многозначительно тянет он, - А на фото в интернете очень даже ничего.

- Это на фото...

Я беру планшет и утыкаюсь в задачи. Оператор, как обычно, ничего не записал, ясно лишь, что биоматерия сбоит. Чаще всего это означает, что она не держит форму или не выполняет свою функцию. Если повезет, программный сбой в центральном узле - исправим за пять минут и свалим. Если нет - придется менять нервы, тогда провозимся весь день, а может и больше.

Семен косится на меня. Он явно в курсе задач, но спросить ему нечего. Наконец, он цепляется за название:

- “La vie belle” - название комплекса. Сразу видно, если название на французском, значит место модное. Небось у них там качество материи вообще запредельное, хоть кусками режь и к себе домой тащи, да?

Я откладываю планшет и включаю радио. Его вибрация присоединяется к вибрации мотора. Переключаю пару дурацких песен, оставляю ток-шоу.

Ведущий и приглашенный эксперт обсуждают покорение космоса. Я откидываюсь на сиденье, смотрю на небо через грязное окно, в ответ ничего кроме яркого света. Эксперт утверждает, что скоро возобновиться покорение космоса. Биоматерия, со всеми своими свойствами, оказалась непригодна для покорения последнего фронта. Но, если верить словам по радио, скоро ученые решат эту проблему. Мир движется вперед, оставляя все ненужное позади.

- Интересно, когда заселят Марс, - шепчу я себе под нос.

Семен это слышит, снова хихикает, собирается что-то сказать. Я быстро переключаю станцию, делаю первую попавшуюся песню громче. Он не решается говорить, сжимает руль.

Выезжаем за город. В этом плане в мире ничего не меняется, люди с деньгами живут поближе к природе и чистому воздуху, остальные - среди бесконечных куч биомассы. Песня быстро надоедает, следующая - такая же уродливая, поток бессознательных галлюцинаций нейросети.

Добираемся до закрытой территории La vie belle. Охранник на входе долго всматривается в наши лица, сверяет с удостоверениями компании, проверяет, делался ли вызов. Семен пытается отвлечь его разговором, но тот слишком застрял в роли сурового стража. Вздыхнув и вернув удостоверения охранник нас пропускает. На его лице написано, что он очень хотел залить наш фургон баллончиком с перцовкой.

Деревья вдоль дороги искусственные, тоже сделаны из биоматерии. Отличный способ сэкономить на садовниках, включив их обслуживание в пакет наших услуг.

Проезжаем ряд домов, красивые, но слишком огромные, чтобы быть уютными. А может, это я ничего не понимаю, потому что никогда в жизни не смогу заработать на такие хоромы. Семен тоже не глазеет по сторонам, я уверен, в его голове такие же мысли, что и у меня.

Подкатываем к нашему адресу. Сразу становится понятно, что случилось: окна у дома черные, словно их залили краской, стены приняли не характерную, выпуклую форму. Семен подъезжает к главному входу, но тут же из кустов выскакивает женщина из прислуги, машет руками. Подбежав к нам, просит развернуться и проехать по служебной дорожке. Очень хочется оставить наш фургон у самого входа, но ничего не поделаешь. Разворачиваемся и подъезжаем со стороны кухни.

Сзади кухня, к дому пристроен небольшой гараж. Дверь открыта, изнутри на нас смотрит мощная морда старого роллс-ройса.

- Думаешь настоящий? - спрашивает Семен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.